

07.00.00 – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902/904

НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕГО НЕОЛИТА ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2017

Андреев Константин Михайлович, кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной истории и археологии

Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. В декабре 2015 года автором данных строк была защищена кандидатская диссертация на тему «Ранний неолит лесостепного Поволжья». В поступивших отзывах и ряде специальных работ заинтересованных исследователей была предложена критика некоторых вынесенных на защиту положений. В данной статье мы постараемся ответить на наиболее дискуссионные вопросы и заострить ряд проблем, связанных с изучением раннего неолита лесостепного Поволжья. По нашему мнению, лишь дискуссия по широкому спектру ключевых вопросов будет способствовать лучшему пониманию культурно-исторических процессов, происходивших в регионе в рассматриваемый период.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов в изучении раннего неолита лесостепного Поволжья является его хронология. Нами обосновывается точка зрения о связи процесса неолитизации региона с началом VII тысячелетия до н.э. Приводится дополнительная аргументация в пользу точки зрения о возможности разделения стоянок елшанской культуры на два варианта. Осуществляется критический анализ гипотез, связанных с поиском истоков происхождения ранненеолитической керамической традиции, и развивается идея о связи данного процесса со среднеазиатским регионом. Рассматривается проблема формирования керамики луговского типа и обосновывается точка зрения об активном участии нижневолжских групп неолитического населения в данном процессе.

Ключевые слова: лесостепное Поволжье; ранний неолит; елшанская культура; абсолютная хронология; радиоуглеродное датирование; неолитизация; кельтеминарская культура; западный и восточный варианты елшанской культуры; сурская культура; ракушечноярская культура; луговской тип керамики; Нижнее Поволжье.

Прежде всего необходимо остановиться на обосновании культурного статуса ранненеолитических материалов лесостепного Поволжья. Оговоримся, что под лесостепным Поволжьем мы понимаем участок лесостепи по обе стороны реки Волги в ее среднем течении, ограниченный с востока рекой Урал, а с запада реками Мокшей и Хопром. В конце 80-х годов XX века И.Б. Васильевым и А.А. Выборновым была обоснована точка зрения о возможности выделения в раннем неолите региона елшанской культуры [1, с. 34–35]. В то же время Н.Л. Моргуновой обозначенные материалы рассматривались в рамках первого этапа развития волго-уральской культуры [2, с. 6–9; 3, с. 56–59]. По нашему мнению, на современном этапе изучения неолитических древностей Поволжья ранний этап их развития более уместно связывать именно с елшанской культурой. Она обладает всеми характерными для археологической культуры, в классическом понимании этого термина [4, с. 20], чертами. Не касаясь подробно всех компонентов, приведем лишь пример по хронологии. Судя по датам, елшанские материалы интересующей территории укладываются в диапазон, как минимум, от середины VII до середины VI тыс. до н.э. Интервал в тысячу лет присущ именно культуре, а не ее этапу, о чем свидетельствуют данные о хронологии неолитических культур. При этом комплексы развитого и позднего неолита Поволжья, рассматриваемые в рамках средневолжской культуры, имеют отличные от раннего неолита векторы развития, хронологию и

территориальные рамки. Обозначенные обстоятельства, на наш взгляд, не позволяют рассматривать данные культурные образования в рамках последовательных этапов развития одной культурной традиции, а дают возможность говорить о двух самостоятельных археологических культурах, получивших развитие в неолите региона. Наконец, отметим, что в подавляющем большинстве исследований по неолиту региона и сопредельных областей получил распространение термин «елшанская культура». В то же время ранний неолит региона нами неразрывно связывается с комплексами елшанской культуры, и оба термина используются в этой и других наших работах как взаимозаменяемые.

Одна из главных проблем в изучении раннего неолита лесостепного Поволжья – его хронология. Полученные по неолиту региона даты неоднократно публиковались и хорошо известны специалистам [5–18]. Среди широкого спектра вопросов, связанных с абсолютной хронологией неолита Поволжья, наиболее дискуссионной проблемой является определение времени формирования елшанской культуры. Для ранненеолитических комплексов региона получено без малого почти 100 дат, причем большая часть из них по органике из керамики. Не углубляясь в проблемы, связанные с датированием обозначенного материала, отметим, что у исследователей сложилось неоднозначное отношение к данным определениям. Часть специалистов относится к ним с осторожностью [19–21] или считает неприемлемым их исполь-

зование без подкрепления датами по другим видам материала [22], другие рассматривают их в качестве надежных для построения хронологических схем развития культур [7; 13; 23–25]. Также в ряде работ прослеживается тенденция по выборочному использованию определенных групп датировок и различной аргументации неприемлемости других, как правило, наиболее ранних [26–27].

Что касается хронологии раннего неолита лесостепного Поволжья, то ряд исследователей считает несколько удревленным предложенное в диссертационной работе и специальных статьях [13; 25; 28] время его формирования с начала VII тыс. до н.э. Необходимо отметить, что в рамки первой половины VII тыс. до н.э. укладывается представительная группа дат – в количестве 13 [13]. Они получены по комплексам нескольких памятников и по различным материалам (раковины моллюсков, кость, керамика) в нескольких радиоуглеродных лабораториях. При этом даты по кости и раковинам моллюсков стоянок Ивановка и Чекалино IV, чья контекстуальная связь с конкретным археологическим материалом могла быть поставлена под сомнение, подтвердились непосредственным датированием органики из керамики. Отметим, что елшанская посуда изготавливалась из илестых глин, в составе которых содержится незначительное количество естественных органических включений [29; 30], которые удаляются в процессе предварительной пробоподготовки образца, а также их воздействие нивелируется с помощью регулирования параметров температуры сжигания [31; 32]. В то же время столь ранние датировки не кажутся «оторванными» от комплексов сопредельных регионов. С концом VIII – началом VII тыс. до н.э. связано формирование неолита в Прикаспийском регионе [7; 33] и на Нижнем Дону [34; 35], с этим же временем связано распространение керамического производства на Алтае [36]. Таким образом, ранние датировки елшанской культуры не выпадают из комплекса абсолютных дат культур сопредельных территорий, они получены по ряду стоянок и по нескольким видам материалов и могут рассматриваться в качестве достаточно обоснованных.

Остановимся еще на одной проблеме, связанной с датированием ранненеолитических комплексов лесостепного Поволжья. Присутствие определенного разброса в датировках по конкретному памятнику также не должно нас смущать. Как было показано нами [25], а также зафиксировано в сопредельных регионах [37], ранненеолитическими обитателями стоянок использовалось ограниченное количество горшков. Данные факты позволяют сделать вывод о том, что памятники, в керамических комплексах которых выявлено несколько десятков ранненеолитических сосудов, посещались неоднократно. С учетом специфики Поволжского региона, связанной с замедленным осадконакоплением и активными процессами зоо- и педотурбации на древних поселениях, этапы посещения стоянки не фиксируются стратиграфически, и о них, видимо, свидетельствуют «разлетевшиеся» даты.

Еще одной не менее дискуссионной проблемой является поиск истоков неолитизации лесостепного Поволжья. По данному вопросу исследователями высказывались различные, иногда диаметрально

противоположные точки зрения [1, с. 23–24, 40–41; 3, с. 32, 56–57; 19, с. 76–78; 39–50; 38, с. 36–41]. Некоторые из приведенных гипотез на настоящий момент представляют лишь историографический интерес, так как их сторонники изменили свою точку зрения, иные продолжают отстаиваться авторами. На наш взгляд, наиболее убедительной является гипотеза о неолитизации лесостепного Поволжья в результате влияния культур среднеазиатского междуречья. В ряде работ аргументируется наша позиция, поэтому подробно на ней мы останавливаться не будем [25; 28; 51]. Отметим, что керамика елшанской культуры обнаруживает значительную близость с неолитической посудой среднеазиатского междуречья, она проявляется как на уровне технологии производства и формообразования сосудов, так и в приемах ее орнаментации. При этом продвижение неолитических коллективов из Средней Азии в Поволжье было связано с установлением близких природно-климатических условий в регионах в начале атлантического периода.

Кратко обозначив собственную точку зрения, остановимся на некоторых критических замечаниях, озвученных в специальных статьях или личных беседах рядом заинтересованных специалистов. Обращалось внимание на определенные различия в кремневых индустриях раннеолитических стоянок Средней Азии и лесостепного Поволжья [38]. Для неолита Средней Азии характерна выраженная пластинчатая индустрия, в то время как для лесостепного Поволжья – отщеповая. Данное противоречие нами осознается. В то же время заслуживает внимания то обстоятельство, что для некоторых мезолитических культур Средней Азии и некоторых вариантов местного неолита характерна отщепово-пластинчатая индустрия и, возможно, именно они приняли участие в формировании елшанской культуры [52–55]. Отметим, что кельтеминарская культура не однородна сама по себе, в ней представлено несколько локальных вариантов, и лишь часть из них обнаруживает близость с посудой елшанской культуры [56]. Также, возможно, освоение пришлым населением незнакомого региона и отсутствие сведений о выходах качественного кремневого сырья отразилось на характере их кремневой индустрии. Данная проблема далека от своего решения и будет нами дополнительно исследоваться.

Еще одно противоречие связано с определениями абсолютного возраста раннего неолита в обоих регионах. В этой связи необходимо отметить, что для неолита Средней Азии получено ограниченное количество абсолютных дат (стоянки Учащи 131 и Аякагитма) [57–59]. При этом на стоянке Учащи 131 датирован не культурный слой, а вышележащие напластования. Наиболее надежные абсолютные датировки неолита Средней Азии получены лишь по нижней части пятого слоя стоянки Аякагитма, и они относятся к концу VII тыс. до н.э. На наш взгляд, наличие представительной серии абсолютных дат лишь по одной стоянке Приаралья не позволяет рассматривать аргумент о хронологическом несоответствии времени формирования раннего неолита в регионах в качестве безоговорочного. В этой связи весьма примечательна ситуация с абсолютным датированием раннеолитических комплексов лесостеп-

ного Поволжья. Например, материалы стоянки Нижняя Орлянка II систематически получают омоложенные даты [13], хотя типологически комплекс памятника занимает наиболее раннее положение в системе ранненеолитических древностей региона. Также на примере традиции изготовления острых дниц зафиксированы случаи длительного бытования определенной технологии в рамках развития конкретной археологической культуры [11]. Наконец, материалы ряда раннеолитических стоянок лесостепного Поволжья, типологически близкие между собой, относятся к разным, иногда достаточно отдаленным во времени периодам развития елшанской культуры. Таким образом, на наш взгляд, хотя материалы пятого слоя стоянки Аякагитма в Приарале могут быть отнесены к ранним этапам развития неолита региона, высока вероятность при активизации работы по датированию неолитических комплексов Средней Азии удревнения времени неолитизации региона. Нельзя не обратить внимание на то, что на стоянке Аякагитма обнаружены наконечники стрел кельтеминарско-го типа. Они характерны не для самых ранних комплексов типа Учаци 131. Поэтому, предположение о более древнем, чем последняя четверть VII тыс. до н.э., возрасте дарьсайских материалов весьма вероятно. В связи с этим при сравнительном анализе комплексов региона первостепенное значение играет типологическая близость материалов.

Предложенная в ряде недавних работ В.В. Ставицким гипотеза формирования раннего неолита лесостепного Поволжья в результате миграции носителей керамического стиля Гелвери с территории Анатолии, вызванной аридизацией климата около 6200 лет до н.э. [49; 50], на наш взгляд, содержит ряд дискуссионных моментов. Во-первых, приводимые автором аналогии между елшанской посудой и керамикой стиля Гелвери носят весьма общий характер. Примечательно, что аналогичную аргументацию автор использует, критикуя гипотезу о среднеазиатской ориентации связей елшанского населения [49, с. 117]. Отметим, что одна из статей, на которую ссылается В.В. Ставицкий и из которой приводится иллюстративный материал [49, с. 121], посвящена анализу «Exotic Ware», выявленных в количестве около 100 фрагментов, к числу которых как раз и относятся черепки с прочерченным (incised) орнаментом [60, р. 129]. В публикации материалов исследований поселения Чатал-Хеюк следующего (2008) года F. Ingmar отмечает, что за один только год исследований на поселении выявлено более 9000 черепков, здесь же автор относит скопление керамики, орнаментированной прочерками и наколами, к позднему неолиту [61, р. 99, fig. 82]. Судя по приведенным в публикациях F. Ingmar иллюстрациям, фрагменты, орнаментированные прочерченными линиями и наколами, поселения Чатал-Хеюк происходят от биконических и плоскодонных (иногда имеющих поддон) сосудов [60, р. 130, fig. 90–91], на некоторых из которых представлены горизонтальные ручки [62, р. 266, fig. 27.11]. При этом на самом эпонимном памятнике стиля Гелвери, поселении Геверли-Гюзельюрт, исследована небольшая площадь и контекст обнаружения черепков с прочерченным орнаментом не вполне ясен [60, р. 129]. Примечательно, что В.В. Ставицкий, анализируя посуду 1 и 2 групп слоев

XXVI–XXVII поселения Джамук-Тепе, которая обнаруживает определенную близость с посудой елшанской культуры, приходит к выводу, что «только самые общие аналогии можно проследить в орнаментации керамики» [50, с. 139]. Наконец, весьма примечательно противоречие с формообразованием дниц сосудов елшанской культуры (острые) и Малой Азии (плоские, зачастую со сложным оформлением), с которым сталкивается В.В. Ставицкий, и его решение с большим количеством допущений [49, с. 118]. Во-вторых, приводимый В.В. Ставицким аргумент о некорректности ранних дат, в связи с использованием илов при производстве керамики елшанской культуры, в которых остатки органики влияли на удревнение возраста [49–50], кажется нам недостаточно обоснованным. Как было показано несколькими абзацами выше, специалисты по радиоуглеродному датированию осознают спектр проблем, связанных с датированием керамики, и обладают инструментарием для нивелировки их влияния на получаемые даты. Кроме того, выборочное использование одних абсолютных определений и отказ от других, на наш взгляд, недостаточно методически верно. В-третьих, предложенный маршрут миграции по восточному побережью Каспийского моря [50, с. 140] несколько дискуссионен, так как на промежуточной территории до стоянки Джебел нам не известны памятники, содержащие керамику, аналогичную елшанской. Также отметим, что предполагаемый путь мигрантов проходит через несколько физико-географических зон, обладающих своей спецификой. В-четвертых, вызывает ряд возражений концептуальное положение гипотезы В.В. Ставицкого об отнесении «протоелшанского» населения ко второй волне миграции из Малой Азии и связи данного процесса с аридизацией климата 6200–6000 лет до н.э. [48–50]. С теоретической точки зрения в условиях предполагаемого соседства оседлых земледельцев-скотоводов и подвижных охотников-собирателей миграция последних является первичной. В условиях аридизации они вытесняются оседлым населением в связи с переключением его на экстенсивные модели ведения хозяйства и отходом отдельных групп в поисках более благоприятных районов, что неизбежно провоцировало движение менее оседлых и разобщенных коллективов охотников-собирателей. Однако более вероятным нам представляется достаточно масштабное перемещение неоседлых групп населения в условиях благоприятной климатической обстановки, наступившей в начале атлантического периода. В данных условиях происходит увеличение прибавочного продукта в коллективах как с производящей системой хозяйства, так и присваивающей, что приводит к росту численности населения. Достижение пика экономической емкости определенной ландшафтной экосистемы влечет за собой необходимость расширения ее границ, т.е. миграции «лишнего» населения. Как показано на множестве этнографических примеров, для жизнедеятельности подвижных групп охотников-собирателей требуются значительные участки свободной земли, используемые в качестве охотничьих угодий. Каждый из таких участков способен обеспечить достаточным количеством пищевых ресурсов ограниченное число членов общины, осуществляющей систематические переко-

чевки. Избыточное население постепенно вынуждено покидать племя. Наличие однокультурных или инокультурных групп в сопредельных областях приводит к необходимости осуществления достаточно дальних миграций. Аналогичная ситуация наблюдается при увеличении количества членов общины оседлых земледельцев и скотоводов. При этом стоящие на более высоком уровне социально-экономического развития коллективы земледельцев и скотоводов в процессе своего перемещения выступали одной из причин дальнейшего движения охотников-собирателей. На наш взгляд, именно в результате давления оседлых земледельцев и скотоводов группы подвижных охотников-собирателей, знакомые с навыками керамического производства, вытесняются на периферию ойкумены первичной неолитизации, связанной с районами Плодородного полумесяца и близлежащими территориями, откуда они способствовали неолитизации среднеазиатского междуречья и далее лесостепного Поволжья.

Еще одна весьма оригинальная гипотеза происхождения елшанской культуры в недавних работах предложена А.В. Вискалиным [46; 47]. По мнению автора, степи Поволжья и Средней Азии в раннем неолите были освоены «выходцами из более восточных регионов Сибири и Дальнего Востока» [47, с. 26]. Первое, на что хотелось бы обратить внимание, крайне общий характер аналогий между керамическими комплексами Поволжья и Дальнего Востока. Посуда культуры Дземон, откуда, по мнению А.В. Вискалина, могла быть заимствована традиция нанесения ямочно-жемчужных вдавлений под срезом венчика, представлена плоскодонными, прямостенными, богато орнаментированными веревочными оттисками, нередко с усложненным оформлением венчика сосудами [63]. В свою очередь, посуда усть-каренгской культуры, откуда, по предположению автора, берет начало традиция изготовления острого дна, имеет ярко выраженную вертикальную загладку по внешней поверхности гребенчатым штампом, а элементы орнамента представлены оттисками гребенчатого штампа, образующими мотивы шагающей гребенки [64, с. 37]. Как можно было заметить, близость посуды данных культур керамике раннего неолита лесостепного Поволжья незначительна, а отмеченные аналогии весьма выборочны. Второе обстоятельство связано с отсутствием промежуточных звеньев в процессе передачи навыков керамического производства с территории Дальнего Востока на Среднюю Волгу. Специалистами отмечается, что керамическая посуда на Байкале и в Прибайкалье появляется не ранее 7–6,5 тыс. лет назад [64, с. 41]. При этом стоит отметить, что, по мнению еще одной группы исследователей, хронология комплексов усть-каренгской культуры значительно удревнена [65]. Примечательно, что неолитизацию еще одного, хотя и отдаленного, но промежуточного региона, алтайской лесостепи исследователи связывают с влиянием кельтеминарской культуры [66]. Соответственно на промежуточной территории от Забайкалья до Поволжья не фиксируется культурных образований, которые могли бы отражать процесс передачи навыков керамического производства между регионами. Таким образом, идея А.В. Вискалина о «победном шествии» сибирского населения до Азовского и Чер-

ного морей [47, с. 26] нуждается в очень серьезном фактическом подтверждении.

Весьма дискуссионной проблемой является возможность разделения елшанской культуры на два варианта и участия в формировании западного варианта носителей сурской и ракушечной культуры, предложенная нами в ряде работ [67–70]. Подробно на нашей точке зрения мы останавливаться не будем, она детально опубликована в специальных статьях. Отметим лишь, что керамические комплексы выделенных вариантов имеют как значительное количество схожих черт, так и существенные различия, главным образом в орнаментации сосудов. По технологии изготовления и формам посуда западного варианта очень близка восточной группе, хотя и здесь И.Н. Васильевой отмечаются некоторые различия [71]. Орнаментация посуды, на наш взгляд и по мнению ряда авторитетных специалистов [72], отражает некоторые сакральные представления первобытного населения и играет первостепенную роль при культурно-хронологической атрибуции археологических материалов. Изменения в системе орнаментации отражают изменения, происходящие в мировоззрении первобытных обществ, которые, к слову, крайне консервативны. Они не происходят спонтанно, а являются свидетельствами взаимодействия коллективов с разными социально-культурными представлениями. Согласно ряду радиоуглеродных определений, наиболее ранние стоянки западной группы памятников датируются последней четвертью VII тыс. до н.э. [11–13]. В это время наиболее близкие культуры, знакомые с керамическим производством, известны на территории Приазовья и Северного Причерноморья [19; 22; 74]. В керамических комплексах сурской и ракушечной культуры с ранних этапов присутствуют сосуды, орнаментированные разряженными наколами различной формы, образующими простые геометрические мотивы, близкие посуде западной группы. В этой связи наиболее вероятным источником заимствования наколочатой традиции орнаментации керамики выступают именно сурская и ракушечная культуры. Учитывая значительную близость технологии изготовления керамики западной и восточной групп, которая относится к числу наиболее консервативных традиций при изготовлении посуды, мы допускаем большее влияние на формирование западного варианта восточного. В то же время для распространения инноваций в системе орнаментации и соответственно мировоззрения населения, оставившего западную группу стоянок, было необходимо непосредственное взаимодействие населения. Примечательно, что в это время еще не фиксируются следы значительного влияния коллективов Нижней Волги на елшанское население, которые, по нашему мнению, привели к формированию на ее основе наколочатой традиции орнаментации керамики средневожской культуры [7]. Кроме того, орнаментация посуды Нижнего Поволжья достаточно сложна (зигзаги, меандры и др.), и для данного региона характерно использование накола в технике отступления [75–77], чего мы не наблюдаем на наколочатой посуде западного варианта елшанской культуры. В связи с обозначенными обстоятельствами мы считаем недостаточно убедительной точку зрения о заимствовании традиции наколочатой орнаментации по-

суды носителями западного варианта елшанской культуры с Нижней Волги. Стоит отметить, что посуда елшанской культуры, датирующаяся первой половиной VI тыс. до н.э. в восточном регионе, с точки зрения технологии производства и орнаментации близка сосудам, датирующимся VII тыс. до н.э., что лишней раз свидетельствует о контактах с инокультурными группами в западном регионе, а не о саморазвитии елшанской культуры. Представленных различий между материалами западного и восточного круга памятников, на наш взгляд, достаточно для выделения двух вариантов культуры.

Еще одной дискуссионной проблемой в изучении раннего неолита лесостепного Поволжья является поиск истоков формирования посуды луговского типа. Данный тип представлен плоскодонными, орнаментированными лишь поясками ямочно-жемчужных вдавлений под срезом венчика, иногда достаточно крупными сосудами. Впервые он фиксируется в конце ранненеолитического периода, однако продолжает бытовать и после угасания елшанской керамической традиции. По нашему мнению, луговский тип посуды формируется в лесостепном Поволжье в результате взаимодействия елшанского и нижеволжского населения. При этом елшанский компонент являлся доминирующим. Данная точка зрения была впервые предложена И.Б. Васильевым и А.А. Выборновым [1] и на настоящий момент представляется достаточно убедительной. По всей видимости, взаимодействие обитателей Нижней и Средней Волги в неолите на начальных этапах носило ограниченный характер. Как нами было отмечено [78; 79], в результате влияния нижеволжского населения в елшанском гончарстве получает распространение традиция изготовления небольшой части сосудов из илов, появляются единичные сосуды с напыльями-утолщениями на внутренней стороне, а также с легкой биконичностью в очертаниях. Наконец, в это же время в лесостепном Поволжье получает некоторое распространение традиция изготовления плоскодонной посуды. Контакты нижеволжского и елшанского населения носили не регулярный характер и были, видимо, обусловлены брачно-родственными взаимоотношениями, в ходе которых заимствовалась лишь незначительная часть навыков керамического производства. Данная ситуация нашла отражение в формировании луговского типа посуды. Отметим, что возникновение нового технологического приема в производстве посуды, тем более такого значимого как форма дна, не могло произойти без определенной внутренней потребности в среде елшанского населения, которая, скорее всего, была связана с переходом части населения к большей оседлости. При этом доминирование елшанского компонента отразилось в практически полном отсутствии орнаментации на сосудах луговского типа. Как нами было показано в предыдущем абзаце, в первобытных обществах орнамент отражает определенные мировоззренческие представления населения, а его изменение или сохранение является индикатором взаимодействия разнокультурных групп. Примечательно, что посуда луговского типа имеет аналогичную технологию изготовления с остальной посудой елшанской культуры и не выделяется из комплексов ранненеолитических памятников [29; 30]. Что же касается материалов Ивановской стоянки и технологии изготовления

елшанской посуды на ней, то, видимо, она отражает наиболее ранние следы ограниченных контактов двух групп населения, а не изначальное знакомство елшанского населения с традицией изготовления посуды из илов, которая фиксируется на данной стоянке [80] и слабо представлена на других памятниках елшанской культуры [29; 30]. В свою очередь, елшанская культура на позднем этапе своего развития выступает наиболее вероятным источником неолитизации лесного Среднего Поволжья, что подтверждается также результатами изучения технологии изготовления посуды обоих регионов [81; 82]. Данное предположение, как было отмечено рядом исследователей, носит «теоретический характер» [49, с. 118], как и любая попытка реконструкции конкретно-исторических процессов на основании археологического материала.

Предложенная В.В. Ставицким гипотеза о формировании луговской традиции под влиянием Ракушечного Яра [49, с. 118], не лишена противоречий и во многом столь же, если не более, «теоретична», чем рассмотренная выше. Во-первых, технология изготовления посуды ракушечной культуры значительно отличается от елшанской и луговской. Для Ракушечного Яра характерно использование илов со значительным содержанием сгнившей растительности, в то время как для производства горшков елшанской культуры применялись илестые глины [35]. Во-вторых, на промежуточной территории, вероятном пути проникновения ракушечной культуры населения в лесостепное Поволжье, господствующая традиция использования исходного пластического сырья связана также с илестой глиной [71]. В-третьих, в ранненеолитических комплексах, расположенных на промежуточной территории между Приазовьем и Средним Поволжьем, выявлены единичные фрагменты плоских дниц [83], которые могли бы маркировать тренд передачи данного технологического приема, в то время как в достаточно представительных комплексах они не обнаружены. Таким образом, на наш взгляд, предложенная гипотеза нуждается в дополнительном фактическом подтверждении. Еще одна точка зрения на формирование луговского типа посуды под влиянием буго-днестровского населения предложена А.В. Вискалиным [47; 84; 85], в ней, на наш взгляд, также содержится ряд дискуссионных моментов. Во-первых, как и у рассмотренной выше гипотезы, по замечанию самого автора, от территории Восточной Украины «дальнейшие маршруты и механизмы продвижения ... не вполне ясны из-за отсутствия четких следов этой традиции между Северским Донцом и Волгой» [85, с. 37]. При этом комплекс стоянки Васильевский Кордон 7, который автор рассматривает в качестве одного из передаточных звеньев данной традиции с запада на восток, датируется почти на 1000 лет моложе, чем материалы стоянки Усть-Ташелка [86, с. 163]. Во-вторых, посуда вероятного источника формирования луговского типа керамики Поволжья (1 и 2 этапов буго-днестровской культуры) типологически значительно отличается от «дочерних» материалов. В керамических комплексах как первого, так и второго периодов развития буго-днестровской культуры представлены острые и плоские дница, причем последние зачастую имеют сложное оформление (поддон, закраины и др.). В орнаментации буго-днестровской культуры

присутствуют отгиски гребенки, широкие проглаженные линии, насечки и др., которые часто образуют достаточно сложные мотивы (зигзаг, меандр и др.) [19; 22]. Обозначенные признаки не характерны для посуды луговского типа. Если же мы допустим «выборочное» заимствование лишь определенных технологических и орнаментальных приемов, то придем к одному из «скользких» моментов, о которых писал А.В. Вискалин, критикуя гипотезу заимствования плоских днищ с Нижней Волги [47, с. 27]. В-третьих, керамический комплекс стоянки Усть-Ташелка при его рассмотрении в качестве гомогенного постоянно «выбивается» из построений А.В. Вискалина, в одних случаях он выделяется в особый вариант развития елшанской культуры [87], в данном случае в «форпост» буго-днестровского населения на Волге. Истоки обозначенного противоречия, на наш взгляд, лежат в смешанном характере комплекса памятника. При публикации материалов стоянки А.В. Вискалин отмечал, что ее площадка распахивалась и лишь на отдельных участках удалось обнаружить фрагменты непо потревоженного культурного слоя мощностью около 10 см [42]. При этом на Усть-Ташелке наряду с посудой, близкой елшанской, также обнаружены фрагменты, орнаментированные разнообразными наколами и гребенчатым штампом, приемами, не характерными для ранне-неолитической гончарной традиции, но получившими широкое распространение в развитом и позднем неолите региона. Учитывая сильную потревоженность культурного слоя памятника и фрагментированность материала, мы считаем возможным разделить керамический комплекс стоянки на две культурно-хронологических группы: раннюю – елшанскую и позднюю – средневожскую. Принимая во внимание значительное количество изделий из кремня (более 6000 шт.), не характерное для поселенческих памятников неолита региона, вероятно также выделение в кремневом комплексе стоянки мезолитического субстрата. В связи с приведенными замечаниями, на наш взгляд, материалы данного памятника без серьезной критики источника не могут являться опорными при создании конкретно-исторических реконструкций.

Наконец, еще один дискуссионный момент в изучении раннего неолита лесостепного Поволжья связан с его заключительным этапом развития и формированием средневожской культуры развитого и позднего неолита. Данному вопросу посвящена специальная статья, которая находится в печати, в связи с этим подробно на нем мы останавливаться не будем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья. Куйбышев: КГПИ, 1988. 112 с.
2. Моргунова Н.Л. Эпоха неолита и энеолита в лесостепной зоне Волго-Уральского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 21 с.
3. Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ, 1995. 222 с.
4. Брюсов А.Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: АН СССР, 1952. 263 с.
5. Выборнов А.А. Корректировка радиоуглеродной хронологии неолита Нижнего Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Самара: СНЦ РАН, 2008. Т. 10 (26). № 4. С. 1249–1255.
6. Выборнов А.А. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолитической керамики Волго-Камья // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2008. № 4. С. 15–24.
7. Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.
8. Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. К радиоуглеродной хронологии неолита Среднего Поволжья: западный регион // Российская археология. М., 2008. № 4. С. 64–71.
9. Выборнов А.А. Неолит степного-лесостепного Поволжья и Прикамья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2009. 44 с.
10. Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. К радиоуглеродной хронологии неолита Среднего Поволжья: восточный регион // Российская археология. М., 2009. № 3. С. 58–65.
11. Выборнов А.А., Андреев К.М., Барацков А.В., Кулькова М.А., Кольцов П.М., Юдин А.И., Джалл Т., Гослар Т., Ойнонен М., Поснерт Г., Филиппсен Б. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолита лесостепного и степного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Самара: СНЦ РАН, 2013. Т. 15, № 5. С. 254–260.
12. Выборнов А.А., Андреев К.М., Барацков А.В., Гречкина Т.Ю., Лычагина Е.Л., Наумов А.Г., Зайцева Г.И., Кулькова М.А., Гослар Т., Ойнонен М., Поснерт Г. Новые радиоуглеродные данные для материалов неолита – энеолита Волго-Камья // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16, № 3. С. 242–248.
13. Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Некоторые итоги и перспективы радиоуглеродного датирования елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Самара: СНЦ РАН, 2012. Т. 14, № 3. С. 193–199.
14. Dolukhanov P.M., Shukurov A., Davison K., Sarsion G., Gerasimenko N.P., Pashkevich G.A., Vybornov A.A., Kovalyukh N.N., Skripkin V.V., Zaitseva G.I., Sapelko T.V. The spread of the neolithic in the south east. European plain: radiocarbon chronology, subsistence, and environment // Radiocarbon. Vol. 51. Arizona, 2009. № 2. P. 783–793.
15. Zaitseva G., Skripkin V., Kovalyukh N., Possnert G., Dolukhanov P., Vybornov A. Radiocarbon dating of Neolithic pottery // Radiocarbon. Vol. 51. Arizona, 2009. № 2. P. 795–801.
16. Vybornov A. Time and palaeoenvironment in the Neolithisation of the Povolzhye forest – steppe // Documenta Praehistorica XXXVIII. Ljubljana: University Press, 2011. P. 267–274.
17. Vybornov A., Zaitseva G., Kovalyukh N., Kulikova M., Skripkin V., Possnert G. Chronological problems with neolithization of the Northern Caspian Sea area and the forest – steppe Povolzhye region // Radiocarbon. Vol. 54. Arizona, 2012. № 3–4. P. 795–799.
18. Vybornov A., Kulikova M., Goslar T., Possnert G. The problem of the neolithisation process chronology in Povolzhye // Documenta Praehistorica XL. Ljubljana: University Press, 2013. P. 13–20.
19. Котова Н.С. Неолитизация Украины. Луганск: Шлях, 2002. 268 с.

20. Ставицкий В.В. Неолитическая тематика на конференции «Археологическое изучение Центральной России» // Пензенский археологический сборник. Вып. 1. Пенза: ПГПУ, 2007. С. 334–341.
21. Вискалин А.В. Рецензия на книгу Выборнова А.А. Неолит Волго-Камья. – Самара: СГПУ, 2008 // Российская археология. 2010. № 4. С. 164–167.
22. Котова Н.С. Древнейшая керамика Украины. К., 2015. 154 с.
23. Манько В.О. Неоліт південно-східної України. Київ: Шлях, 2006. 280 с.
24. Юдин А.И. Соотношение данных стратиграфии и радиоуглеродных определений для памятников позднего неолита – энеолита Нижнего Поволжья // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН / МАЭ РАН, 2009. С. 169–171.
25. Андреев К.М. Ранний неолит лесостепного Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. 24 с.
26. Ставицкий В.В. К вопросу о взаимодействии неолитического населения степной и лесостепной зоны в Поволжье // Самарский научный вестник. 2014. № 4 (9). С. 117–121.
27. Барацков А.В. Итоги радиоуглеродного датирования материалов неолита степного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17, № 3. С. 228–234.
28. Андреев К.М. Проблема неолитизации лесостепного Поволжья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56) Ч. II. С. 19–24.
29. Васильева И.Н. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара: СГПУ, 2006. С. 426–439.
30. Васильева И.Н. Раннеэнеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2011. № 2 (48). С. 70–81.
31. Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Радиоуглеродное датирование археологической керамики жидкостным сцинтилляционным методом // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.: ИИМК РАН, 2007. С. 120–126.
32. Кулькова М.А. Радиоуглеродное датирование древней керамики // Самарский научный вестник. 2014. № 3 (8). С. 115–122.
33. Барацков А.В., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Проблемы абсолютной хронологии неолита Северного Прикаспия // Известия Самарского научного центра РАН. Самара: СНЦ РАН, 2012. Т. 14, № 3. С. 200–204.
34. Цыбрий А.В., Долбунова Е.В., Мазуркевич А.Н., Цыбрий В.В., Горелик А.Ф., Матузевичиуте Г.М., Саблин М.В. Новые исследования поселения Ракушечный Яр в 2008–2013 гг. // Самарский научный вестник. 2014. № 3 (8). С. 203–215.
35. Васильева И.Н., Выборнов А.А. «Очаги» / центры раннеэнеолитического гончарства в европейской части России // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 45–48.
36. Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. 335 с.
37. Смольянинов Р.В. Постройки эпохи раннего неолита на Верхнем Дону // Самарский научный вестник. 2016. № 1 (14). С. 72–76.
38. Мамонов А.Е. О культурном статусе елшанских комплексов // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара: СГПУ, 1999. С. 15–43.
39. Манько В.О. Перспективи датування кераміки радіоуглеродним методом // Кам'яна доба України. Вып. 10. Луганск: Шлях, 2007. С. 168–177.
40. Ставицкий В.В. Проблема неолитизации Волго-Донской лесостепи // Новые гуманитарные исследования. Известия Самарского научного центра РАН. 2005. С. 145–151.
41. Вискалин А.В. Пути неолитизации Волго-Камья (к постановке вопроса) // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь: Триада, 2002. С. 274–283.
42. Вискалин А.В. Раннеэнеолитический комплекс стоянки Елшанка 10 (Усть-Ташёлка) (итоги предварительного изучения) // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза: ПГПУ, 2003. С. 41–57.
43. Вискалин А.В. К вопросу о происхождении елшанской культуры // Археологическое изучение Центральной России. Липецк: ЛГПУ, 2006. С. 90–93.
44. Вискалин А.В. К вопросу о происхождении остродонной раннеэнеолитической керамики Северной Евразии // Неолит Среднего Поволжья в системе культур Евразии. Самара: ПГСГА, 2011. С. 40–42.
45. Вискалин А.В. Контакты лесостепного и степного Поволжья начальной поры неолита // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. С. 39–42.
46. Вискалин А.В. Загадочные признаки в оформлении елшанской раннеэнеолитической керамики Волго-Уральской лесостепи // Верхнедонской археологический сборник. Выпуск 6. Липецк: ЛГПУ, 2014. С. 146–150.
47. Вискалин А.В. Культурные процессы на Средней Волге в раннеэнеолитическую эпоху // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 26–28.
48. Ставицкий В.В. Ранний неолит Среднего Дона и Мокши // Неолит Среднего Поволжья в системе культур Евразии. Самара: ПГСГА, 2011. С. 53–54.
49. Ставицкий В.В. К вопросу о взаимодействии неолитического населения степной и лесостепной зоны в Поволжье // Самарский научный вестник. 2014. № 4 (9). С. 117–121.
50. Ставицкий В.В. Керамические традиции елшанской культуры: происхождение и хронология // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск: ИГУ, 2014. № 3. С. 136–141.
51. Андреев К.М. Происхождение и ареал распространения керамики елшанской культуры // XLIII междунар. Урало-Поволжская археологическая студ. конф. Оренбург: ОГПУ, 2011. С. 23–25.
52. Исламов У. Мезолитические памятники Ферганской долины // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 9. Ташкент: ФАН, 1972. С. 21–28.
53. Исламов У. К выделению локальных вариантов мезолита Узбекистана // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 12. Ташкент: ФАН, 1975. С. 16–37.

54. Исламов У.И., Тимофеев В.И. Стоянки каменного века южной части Центральной Ферганы // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 13. Ташкент: ФАН, 1977. С. 5–12.
55. Холматов Н.У. Мезолит низовьев Зарафшана // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 31. Самарканд: ИА АН РУз, 2000. С. 25–34.
56. Холматова З.Н. Калтаминор сополлари (маҳаллий маданият вариантлар мисолида) // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 38. Самарканд: ИА АН РУз, 2012. С. 106–110.
57. Виноградов А.В., Мамедов Э.Д., Сулержицкий Л.Д. Первые радиоуглеродные даты для неолита Кызылкумов // Совесткая археология. М., 1977. № 4. С. 267–270.
58. Szymczak K., Khudzhazarov M. Exploring the Neolithic of the Kyzyl-Kums. Ayakagitma «The site» and other collections. Warsaw: Institute of Archeology Warsaw University, 2006. 252 p.
59. Brunet F., Khudzhazarov M., Hoshimov N. Nouvelles donnees sur la chronologie de la culture de Kel'teminar (VIIe-IVe millenaires) en Ouzbekistan // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 38. Самарканд: ИА АН РУз, 2012. С. 118–124.
60. Ingmar F. West Mound Excavations – Pottery // Catalhöyük Research Project 2007. Archive Report. P. 129–131.
61. Ingmar F. West Mound Excavations. Trench 5–7 Pottery // Catalhöyük Research Project 2008. Archive Report. P. 97–100.
62. Ingmar F. Trench 5–7 Pottery Archive Report 2012 // Catalhöyük Research Project 2012. Archive Report. P. 262–271.
63. Жуциховская И.С. Керамика раннего периода культуры Дземон // Российская археология. М., 2012. № 1. С. 5–15.
64. Ветров В.М. Древнейшая керамика на Витиме. Некоторые вопросы датирования и периодизации в каменном веке Восточной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ун-та, 2010. С. 37–44.
65. Константинов М.В. Возраст древнейшей керамики Забайкалья: реальный и абсурдный // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 183–186.
66. Шмидт А.В. К проблеме развития раннего неолита на территории лесостепного Алтая // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2008. № 4/2 (60). С. 231–239.
67. Андреев К.М. Область распространения керамики елшанской культуры // Новый век: история глазами молодых. Вып. 10. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011. С. 107–114.
68. Андреев К.М. К вопросу об ареале елшанской культуры (на основе анализа керамических комплексов) // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 3. Пенза: ПИРО, 2013. С. 45–51.
69. Андреев К.М. Некоторые проблемы изучения керамики елшанской культуры // XIX Уральское арх. совещание. Переходные эпохи в археологии. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 6–8.
70. Андреев К.М. О двух вариантах елшанской культуры // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 29–33.
71. Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитическое гончарство Сурско-Мокшанского междуречья // Самарский научный вестник. 2014. № 3 (8). С. 35–54. Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 2 (19)
72. Фосс М.Е. Древнейшая история севера европейской части СССР // МИА. № 29. М., 1952. 278 с.
73. Белановская Т.Д. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1995. 200 с.
74. Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А. Керамические традиции в раннем неолите Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. СПб.: ИИМК РАН, 2014. № 3. С. 27–140.
75. Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. 200 с.
76. Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Исследование неолитической стоянки Каиршак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1989. С. 18–45.
77. Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Поздненеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1986. С. 6–31.
78. Андреев К.М. Проблемы взаимодействия населения Нижней и Средней Волги в неолите (на основе анализа керамических комплексов) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 10. Саратов: СГУ, 2013. С. 50–58.
79. Андреев К.М. Некоторые аспекты взаимодействия населения Нижней и Средней Волги в неолите // Самарский научный вестник. 2014. № 3 (8). С. 13–18.
80. Васильева И.Н. О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 23–38.
81. Васильева И.Н., Выборнов А.А. Некоторые аспекты изучения неолита Марийского Поволжья // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье. Вып. 31. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2015. С. 68–98.
82. Васильева И.Н., Выборнов А.А. Время появления и механизмы распространения раннеолитических керамических традиций на западе Среднего Поволжья // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 34–40.
83. Смольянинов Р.В. Памятники елшанской культуры на Верхнем Дону // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Т. 1. Пенза: ПГПУ, 2008. С. 89–95.
84. Вискалин А.В. Проблема контактов степного и лесостепного Поволжья в раннем неолите // Самарский научный вестник. 2014. № 3 (8). С. 54–57.
85. Вискалин А.В. Проблема культурного единства и происхождения комплексов раннеолитической керамики луговского типа на Средней Волге и в Прикамье // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего Средневековья лесной зоны Восточной Европы. Выпуск 4. Иваново: Издатель Ольга Епишева, 2015. С. 33–38.
86. Смольянинов Р.В., Сурков А.В. Ранний неолит Верхнего Дона // Самарский научный вестник. 2014. № 3 (8). С. 161–171.
87. Вискалин А.В. О хронологии и периодизации ранних этапов неолита Волго-Уральской лесостепи // Самарский край в истории России. Вып. 3. Самара: СОИКМ, 2007. С. 4–13.

SOME DISCUSSION ISSUES OF THE EARLY NEOLITHIC STUDY IN THE FOREST-STEPPE VOLGA REGION

© 2017

Andreev Konstantin Mikhailovich, candidate of historical sciences,
associate professor of Russian History and Archeology Department
Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. The PhD thesis «The early Neolithic of the forest-steppe Volga region» was presented by the author of this annotation on December, 15th. Some of the statements presented were taken into consideration on the basis of received reviews and a number of special works of concerned researchers. The following paper deals with some issues that are clarified and some problems referring to the study of this topic that are raised. It is strongly believed that only a discussion on a wide range of key issues will contribute to a better understanding of cultural and historical processes taking place in the reporting period in the region. One of the most controversial issues in the study of the early forest-steppe Neolithic is chronology. We confirm the idea that Neolithic process in this region started at the beginning of the VII millennium BC. There are additional justifications that elshanskaya culture was divided into two types. We implement a critical analysis of the hypotheses related to the search for the origins of early Neolithic ceramic traditions. It is also claimed that the process mentioned is connected with the Central Asian region. Another problem is connected with the formation of a ceramic lygovskoy type and the influence of Neolithic groups in the Lower Volga region.

Keywords: forest-steppe Volga Region; early Neolithic; elshanskaya culture; absolute chronology; radiocarbon dating; neolithisation; kelteminar culture; western and eastern variants of elshanskaya culture; surskaya culture; raskushechnoyarskaya culture; lygovskoy type of ceramic; Lower Volga Region.

УДК 902

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ ПОСЕЛЕНИЯ ШАУКЕ 1

© 2017

Рахимжанова Сауле Жангельдыевна, аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии
Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Российская Федерация)

Аннотация. В статье излагаются первые результаты специального технологического изучения керамики эпохи ранней бронзы из раскопок поселения Шауке 1 в Павлодарской области Северо-Восточного Казахстана. Исследование керамики проведено в рамках историко-культурного подхода по методике А.А. Бобринского. Для проведения технологического анализа керамики поселения было отобрано 53 образца от разных сосудов, исследованных с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10. Основная задача в работе сводилась к выявлению культурных традиций на подготовительной стадии изготовления керамики. Изучались навыки отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс. Автором зафиксировано использование гончарами нескольких условных «мест» добычи сырья. На поселении Шауке 1 было выделено 6 разных рецептов формовочных масс, среди которых наиболее массовыми являются «глина + шамот + органический раствор» (60,38%), «глина + шамот + кость + органический раствор» (28,30%), что свидетельствует о бытовании на поселении носителей разных гончарных традиций. Также был проведен сравнительный анализ типологических орнаментальных групп керамики с полученными технологическими данными. В результате сравнения были определены как общие, так и специфические черты формовочных масс выделенных групп.

Ключевые слова: эпоха ранней бронзы; поселение Шауке 1; Северо-Восточный Казахстан; керамика; историко-культурный подход; методика А.А. Бобринского; технологический анализ; подготовительная стадия производства; исходное сырье; формовочные массы; гончарные традиции.

Керамика эпохи ранней бронзы на территории Северо-Восточного Казахстана очень слабо изучена. Ее исследование представляет собой особый интерес для всестороннего изучения и выявления особенностей и традиций изготовления керамики [1–4], а также сравнительного анализа с соседними регионами. Материалы данного поселения публикуются впервые.

Поселение Шауке 1 расположено в Павлодарском районе Павлодарской области на первой надпойменной террасе р. Иртыш в 0,5 км к северу от одноименного села на месте старого песчаного карьера. Памятник открыт В.К. Мерцем в 1992 году. В последующие 1996, 2001, 2006, 2011 годы отрядом ПАЭ на нем проводились регулярные сборы. Памятник явля-

ется поселением древних скотоводов эпохи бронзы и раннего железа III–I тыс. до н.э. Разрушается песчаным карьером.

Керамика раннего бронзового века поселения Шауке 1 насчитывает 577 фр. (венчики – 59 шт., стенки – 462 шт., придонные части – 35 шт., не диагностируемые – 21 шт.) не менее, чем от 54 сосудов. Коллекция неоднородна, авторами раскопок и сборов поселения Шауке 1, В.К. Мерцем и И.В. Мерцем, выделено 4 группы керамики, украшенные способами: 1) «шагания» (орнаментир – гребенчатый штамп); 2) «протаскивания» и «отступающе-накольчатой» техникой (орнаментир – палочка); 3) «расчесами»; 4) «накальвания» (инструмент – гребенчатый штамп и палочка).